

DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-84-101

Е.А. ЛютиковаМосковский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
119991 г. Москва, Российская Федерация

Типология эргативности и грамматические асимметрии в дагестанских языках

В статье предлагается параметрический анализ грамматических асимметрий в дагестанских языках. Для этой языковой семьи характерно сочетание эргативного морфосинтаксиса и разнонаправленных тенденций в грамматических асимметриях, фиксируемых различными признаками грамматического приоритета. В статье показано, что несогласованность грамматических асимметрий получает объяснение в рамках предположения, что основными параметрами, предопределяющими применимость грамматических операций к аргументным именным группам, являются структурные характеристики падежных форм и отношения с-командования между аргументами.

Ключевые слова: эргативность, грамматические асимметрии, лингвистическая типология, дагестанские языки

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект». Автор пользуется возможностью, чтобы поблагодарить Я. Г. Тестельца, М. Э. Чумакину, Т. А. Майсака, М. А. Даниэля и М.С. Полинскую за обсуждение отдельных аспектов этой работы.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лютикова Е.А. Типология эргативности и грамматические асимметрии в дагестанских языках // Рема. Rhema. 2021. № 2. С. 84–101. DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-84-101

E.A. Lyutikova

Lomonosov Moscow State University,
Moscow, 119991, Russian Federation

Typology of ergativity and grammatical asymmetries in Daghestanian

The paper proposes a parametric analysis of grammatical asymmetries in Daghestanian languages. In this linguistic family, morphological ergativity is accompanied by non-consistent grammatical asymmetries exhibited by various syntactic operations. I demonstrate that this inconsistency can be accounted for under assumption that the internal structure of case-marked argumental nominals and hierarchical c-command relations are the two major parameters determining the applicability of grammatical operations.

Key words: ergativity, grammatical asymmetries, linguistic typology, Daghestanian languages

Acknowledgments. This research has been supported by the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Lomonosov Moscow State University “Brain, Cognitive Systems, Artificial Intelligence”.

The author takes this opportunity to thank Yakov Testeleets, Marina Chumakina, Timur Maisak, Michail Daniel and Maria Polinsky for discussing certain aspects of this paper.

FOR CITATION: Lyutikova E.A. Typology of ergativity and grammatical asymmetries in Daghestanian. *Rhema*. 2021. No. 2. Pp. 84–101. (In Rus.) DOI: 10.31862/2500-2953-2021-2-84-101

1. Введение

Эргативность представляет собой один из наиболее проблемных и дискутируемых феноменов в области грамматической структуры предложения и падежной теории. Ранние подходы к эргативности, предполагавшие единообразный анализ эргативных языков, по мере накопления эмпирических данных и развития лингвистической теории сменились параметрической перспективой, позволяющей ассоциировать

различные свойства разных типов эргативных языков со специфическими комбинациями единого набора параметров [Bittner, Hale, 1996; Manning, 1996; Kibrik, 1997; Legate, 2008; Aldridge, 2008; Coon et al., 2013; Baker, 2015; Polinsky, 2016b; Coon et al., 2019].

В этой статье будет предпринята попытка параметрического анализа грамматических асимметрий в дагестанских языках. Я предполагаю показать, что регулярно отмечаемые для дагестанских языков внутриязыковые и межъязыковые несоответствия различных диагностик грамматического приоритета могут получать объяснение в рамках параметрической модели, использующей в качестве факторов структурную сложность падежных форм и структурный приоритет аргументов. В то время как отношения с-командования между аргументами, выявляемые на материале дагестанских языков, достаточно стабильны, структурная репрезентация падежных форм, в первую очередь – неканонических подлежащих, является параметром межъязыкового и внутриязыкового варьирования. Диагностики грамматического приоритета, используемые для выявления грамматических асимметрий, в различных дагестанских языках могут быть ориентированы на различные свойства аргументов, что создает дополнительный уровень варьирования.

Изложение организовано следующим образом. В разд. 2 обуждаются предшествующие результаты, полученные в исследованиях синтаксических характеристик дагестанских языков, в первую очередь – в серии публикаций «Материалы к типологии эргативности» [Кибрик, 1979а, б, с; Кибрик, 1980а, б; Кибрик, 1981а, б]. Мы обобщим требования, предъявляемые различными синтаксическими преобразованиями к возможным мишеням, в виде абсолютных, относительных и комбинированных правил, описывающих грамматически релевантные признаки аргументов. В разд. 3 грамматически релевантные характеристики аргументов получат структурную репрезентацию. Наконец, в разд. 4 будет продемонстрировано применение предложенной модели к анализу одного из грамматических феноменов, демонстрирующих существенное варьирование на материале дагестанских языков.

2. Материалы к типологии эргативности А.Е. Кибрика

В многочисленных работах А.Е. Кибрика, посвященных дагестанским языкам [Кибрик и др., 1977; Кибрик, 1979, 1980, 1981, 1982, 1983, 1999, 2000, 2001, 2007; Kibrik, 1979, 1987, 1991, 1996, 1997], ставится задача типологизации морфосинтаксических характеристик эргативных языков Дагестана как во внутригенетическом аспекте (выявляются параметры, задающие синтаксическую таксономию дагестанских

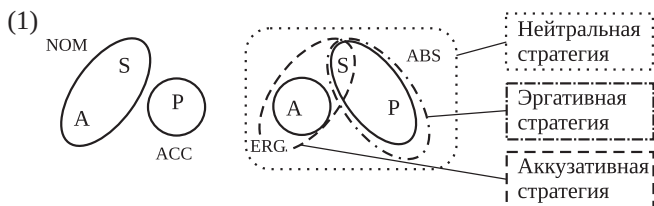
языков), так и в широком типологическом контексте (выявляется специфика эргативных языков Дагестана в сопоставлении с другими языками, обладающими эргативным морфосинтаксисом). Продолжая это направление исследований, ниже я предполагаю рассмотреть регулярно обнаруживаемые на материале дагестанских языков грамматические асимметрии (см., помимо работ А.Е. Кибрика, также [Тестелец, 2016; Forker, 2019]) и выявить стоящие за ними структурные корреляты.

В целом синтаксис дагестанских языков может быть охарактеризован как нейтральный. Нейтральность выражается, во-первых, в том, что многие синтаксические процессы оказываются равно доступны для любых именных групп клаузы либо равно недоступны для них. Во-вторых, свидетельством нейтральности можно считать разнонаправленные тенденции, проявляющиеся в различных диагностиках грамматического приоритета.

К числу процессов, не выявляющих грамматического приоритета одного или нескольких ядерных аргументов, в дагестанских языках обычно относятся сочинительное сокращение, различные виды A'-феноменов (релятивизация, образование частного вопроса, фокусирование), контроль посессивных рефлексивов и составных актантных рефлексивов, лицензирование нулевой анафоры в сентенциальных актантах.

Тем не менее, целый ряд синтаксических преобразований может применяться только к части именных групп клаузы, создавая тем самым основу для выявления грамматических асимметрий. Обнаруживается, что такие диагностики демонстрируют разнонаправленные тенденции. С одной стороны, феномены, ориентированные на морфологическую маркированность аргументов, – классно-числовое согласование, согласование по категории косвенности, способность к расщеплению (в некоторых языках) – демонстрируют эргативную стратегию: pivotом соответствующих процессов является абсолютивная именная группа. С другой стороны, феномены, связанные с ролевой иерархией, – контроль PRO в конструкциях с предикатами, требующими семантического и структурного контроля, выбор адресата императива, контроль простых актантных рефлексивов, семантическое связывание в составных рефлексивах¹ – ориентированы на наиболее агентивный участник и тем самым реализуют аккузативную стратегию. К этим феноменам примыкают также явления, связанные с модифицированным управлением и затрагивающие обычно только эргативный аргумент или группу неканонических подлежащих, объединенную с эргативом: образование биноминативной конструкции и синтетическая каузативизация.

¹ Данные Н.Р. Сумбатовой по даргинскому языку из работы [Сумбатова, 2020].

В (1) схематически представлены классы маркирования аргументов в морфологически аккузативных и эргативных языках по [Кибрик, 1992] (сплошная линия), а также синтаксические стратегии, засвидетельствованные в эргативных языках Дагестана (пунктирные линии). Легко видеть, что синтаксические феномены не выделяют определенный аргумент или пул аргументов как обладающий грамматическим приоритетом над прочими аргументами.

Еще одно важное эмпирическое обобщение касается специфики отдельных ролевых классов глаголов на фоне ядерной эргативной модели. Выделяется два класса двухместных глаголов, отклоняющихся от переходного образца. Во-первых, это двухместные экспириенциальные глаголы (напр., *видеть* <кто: DAT/AFF; кого/что: ABS>) и прочие глаголы с неканоническим подлежащим (посессором, ненамеренным агенсом, локативным экспириенцером потенциальных глаголов и др.). Для них характерно как особое кодирование, так и специфический синтаксис: неканоническое подлежащее формально и функционально отличается от канонического (эргативного). В частности, для феноменов, тяготеющих к аккузативной стратегии, часто представлена нейтральная стратегия (оба аргумента участвуют или оба аргумента не участвуют в грамматическом преобразовании).

Во-вторых, отдельного рассмотрения заслуживает класс непереходных двухместных глаголов с косвеннопадежным аргументом. Первый аргумент кодируется абсолютивом, второй получает неприоритетное (обычно локативное или локативно-двигательное) кодирование (напр., *смотреть* <кто: ABS; на кого/что: LOC + LAT>). С синтаксической точки зрения первый аргумент ведет себя как непереходное подлежащее, а второй – синтаксически неактивен; он может также исключаться из числа мишеней синтаксических правил при нейтральной стратегии.

Таким образом, мы видим, что разные синтаксические феномены, используемые как диагностики грамматического приоритета аргументов, дают разные результаты. Кроме того, обнаруживается и межязыковое варьирование: одна и та же диагностика может поддерживать, например, аккузативную модель в одном языке и нейтральную – в другом. В такой ситуации очевидно, что использование грамматических

феноменов методом «черного ящика» – фиксируем пивот некоторого правила и объявляем его грамматически приоритетным – не проясняет, а затемняет суть дела.

Потенциальное решение видится мне в том, чтобы выявить засвидетельствованные механизмы грамматических операций и понять, какого рода приоритетность они выявляют. Можно надеяться, что этот путь позволит объяснить неконсистентность различных диагностик.

Очевидно, что рассматриваемые грамматические правила могут предъявлять разные виды требований к своим мишеням. Ограничения на именную группу – допустимую мишень могут формулироваться как в абсолютных терминах (например, абсолютивная именная группа, независимо от наличия других именных групп в клаузе, контролирует классно-числовое согласование предиката во всех дагестанских языках), так и в относительных, иерархических терминах (например, наиболее приоритетная в ролевом отношении именная группа данной клаузы является предпочтительным контролером рефлексивизации в багвалинском языке). Возможны также комбинированные ограничения, когда иерархически ориентированные правила применяются лишь к подмножеству именных групп, удовлетворяющих некоторому абсолютному требованию (например, контролер личного согласования в даргинских диалектах выбирается из множества ядерных аргументов на основании личной либо тематической/структурной иерархии).

Важный вопрос, возникающий при анализе ограничений на применение правил, состоит в том, какие именно свойства аргументов могут быть задействованы в абсолютных и иерархических требованиях и оказываются релевантны для применимости грамматических операций. Рассмотрим различные типы операций, на которых могут основываться признаки грамматического приоритета (о выделении признаков см. [Тестелец, 2001, 2003]).

Операции со структурой (наращение, эксфолиация, коэрсия) могут быть чувствительны к структурному приоритету аргумента в том случае, если он располагается в удаляемой или заменяемой структуре. В свою очередь, на неполное проецирование структуры могут влиять ролевые характеристики аргумента: например, если имеет место ролевой конфликт аргумента с наращиваемой структурой. Характерным примером такого рода конфликта является каузативизация канонических переходных глаголов, проецирующих собственный эргативный агенс. В подавляющем большинстве дагестанских языков в подобной конфигурации необходима коэрсия структуры переходного глагола, меняющая ролевой статус и падежное оформление каузируемого.

Для операций, моделируемых как взаимодействие зонда и цели, могут быть важны падежные характеристики аргумента (если селективные ограничения зонда являются падежно-дискриминирующими, см. [Bobaljik, 2008]), а также структурный приоритет аргумента, если происходит выбор мишени из нескольких потенциальных целей. Например, на выбор аргумента, получающего приименное кодирование в номинализациях, часто влияют как падежное маркирование, так и структурный приоритет: во многих дагестанских языках выбирается самый высокий аргумент в структурной иерархии, принадлежащий к множеству именных групп в структурных падежах.

Наконец, операции лицензирования предъявляют идиосинкратические требования к внешнему контексту, которые определяются классом лицензируемой сущности. Для признаков грамматического приоритета релевантны ограничения на ролевые и падежные характеристики аргумента (например, при лицензировании PRO) и требования, связанные со структурным приоритетом антецедента при анафоре.

Итак, в зависимости от характеристик конкретной синтаксической операции в конкретном языке, за признаками грамматического приоритета могут стоять ролевые характеристики аргумента, падежные характеристики аргумента и структурный приоритет аргумента. Эти характеристики не независимы друг от друга: например, из гипотезы об универсальном отображении аргументов (Uniformity of Theta Assignment Hypothesis, [Baker, 1997]) следует, что семантические роли аргументов предопределяют отношения структурного приоритета между аргументами. Падежные характеристики аргументов в дагестанских языках также в большинстве случаев коррелируют с их ролевым (или гиперролевым) статусом. Тем не менее, в общем случае одно-однозначное соответствие между указанными параметрами отсутствует.

Я полагаю, что ролевые характеристики именной группы неспецифичны для грамматического приоритета, а иерархические отношения между ролями представляют собой эпифеномен отображения аргументов с определенными семантическими ролями в определенные структурные позиции. Таким образом, ролевые ограничения могут моделироваться как абсолютные требования и не должны рассматриваться в перспективе диагностик грамматического приоритета. Поэтому я сосредоточусь на двух оставшихся характеристиках аргументов – падеже и структурном приоритете. Задача формулируется следующим образом: необходимо предложить синтаксическую репрезентацию падежных характеристик аргументов и структуру клаузы, обеспечивающую отношения структурного приоритета между аргументами, адекватные известным ограничениям на грамматические операции в дагестанских языках.

3. Структурные корреляты грамматических асимметрий в дагестанских языках

Начнем с установления отношений структурного приоритета между аргументами. Существует значительное число языковых феноменов, позволяющих выявить иерархию с-командования именных групп в конкретной клаузе. Следует иметь в виду, однако, что на отношения с-командования, связанные с иерархией глагольных оболочек и клаузальных функциональных проекций, могут накладываться дополнительные коррективы, связанные с внутренней структурой аргументов. Так, например, если в аргументной позиции находится предложная/послеложная группа, то наличие проекции предлога/послелога может нарушать способность вложенной именной группы с-командовать расположенными ниже аргументами. Принимая во внимание эти соображения, для дагестанских языков в качестве диагностик с-командования можно использовать следующие типы явлений:

i) падежно-независимые феномены (связывание простого рефлексива, семантическое связывание местоимения квантором, условие С теории связывания);

ii) эффекты превосходства и интервенции среди падежно-зависимых феноменов (например, именовое маркирование аргументов номинализации в случае иерархических ограничений, личное согласование, ориентированное на структурные отношения между ядерными аргументами);

iii) феномены, вызывающие неполное проецирование структуры (биноминативная конструкция в лакском [Gagliardi et al., 2014], синтетическая каузативная конструкция, номинализации малой структуры).

В результате для основных типов клауз устанавливаются следующие отношения асимметричного с-командования между аргументами. В непереходной клаузе абсолютное подлежащее с-командует косвеннопадежным дополнением (2a). В канонических переходных клаузах эргативное подлежащее с-командует абсолютным дополнением (2b). В клаузах с неканоническим косвеннопадежным подлежащим также устанавливается его структурный приоритет над абсолютным дополнением (2c). Битранзитивные клаузы, по-видимому, допускают два варианта структурного ранжирования аргументов: аппликативный датив с-командует абсолютным, а абсолютив, в свою очередь, с-командует косвеннопадежным дополнением (2d).

(2) а. Непереходные клаузы:	ABS > OBL
б. Переходные клаузы:	ERG > ABS
с. Клаузы с неканоническим подлежащим:	DAT / AFF / OBL > ABS
д. Битранзитивные клаузы:	ERG > DAT > ABS
	ERG > ABS > OBL

Второй составляющей анализа является структурная репрезентация падежных словоформ. В ряде предшествующих работ [Lyutikova, 2015; Тестелец, 2016; Лютикова, 2017, 2020] была обоснована трехчленная оппозиция именных групп в дагестанских языках на основании классификации падежей (абсолютива, реляционных падежей и семантических (локативных) падежей) и представлена аргументация в пользу структурной репрезентации падежных оппозиций как основывающихся на двух противопоставлениях: категориальных и признаковых. Абсолютиву соответствует беспадёжная именная группа, лицензируемая предикатом; грамматические падежи – это именные группы, управляемые и лицензируемые функциональной вершиной; и, наконец, семантические падежи – это послеложные группы, управляемые возможно нулевым послелогом.

Кроме того, падежные формы ряда грамматических падежей обладают структурной омонимией между управляемой DP и PP. Так, например, эргатив в грамматических употреблениях является именной группой, а в семантических употреблениях (временной, причинный, инструментальный эргатив) – послеложной группой. Аналогично экспериментальный датив может иметь статус DP, однако бенефактивный, целевой или инструментальный датив – статус PP.

Таким образом, структурная репрезентация аргумента зависит не только от его падежной формы, но и от его синтаксической функции (то есть структурной позиции). Основные классы аргументов представлены в (3).

Абсолютивы являются беспадёжными именными группами, которые лицензируются предикатом и получают от него семантическую роль. Канонические (эргативные агентивные) подлежащие – это именные группы, имеющие структурный падеж. Они получают падеж и семантическую роль от проецирующей их вершины – переходного легкого глагола. Неканонические синтаксически активные подлежащие (например, дативные экспериментальные подлежащие в хваршинском и багвалинском) имеют сходную репрезентацию; отличие состоит в том, что они связаны с другим, экспериментальным легким глаголом. Напротив, неканонические синтаксически неактивные подлежащие (например, посессивный ненамеренный агенс в хваршинском, аффективный экспериментер в багвалинском) представляют собой послеложные группы с нулевым послелогом. Послелог приписывает своему комплементу – именной группе – ингерентный падеж, но является тематически пустым, вследствие чего аргумент получает семантическую роль от легкого глагола, проецирующего соответствующую PP. Аналогичным образом устроены косвеннопадежные дополнения. Наконец, адьюнкты

в семантических падежах также представляют собой послеложные группы, однако возглавляются тематически полноценным послелогом, вследствие чего тематически независимы от клаузуальной структуры.

(3) а. AVS подлежащее/дополнение:

DP; беспадёжная; лицензируется и получает семантическую роль от предиката ([+V])

б. ERG подлежащее:

DP_[case:ERG]; получает структурный падеж и семантическую роль от v_{TR}

в. DAT подлежащее:

DP_[case:DAT]; получает структурный падеж и семантическую роль от v_{EXP}

г. OBL подлежащее:

[_{pp} DP_[case:OBL] Ø_p]; получает ингерентный падеж от Ø_p, семантическую роль от v_{NON-VOL} / v_{EXP}

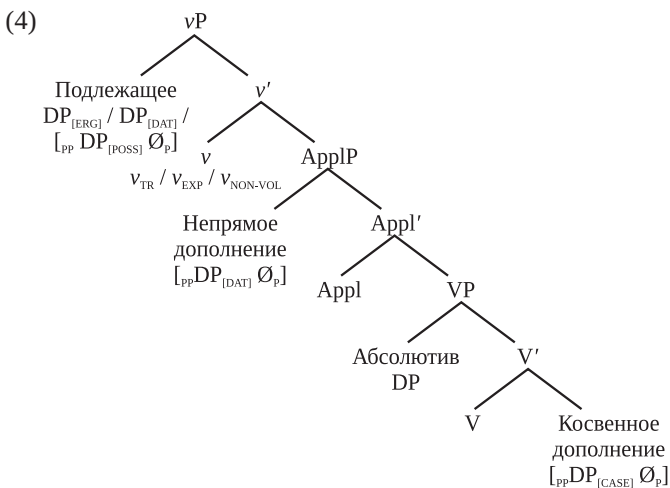
д. OBL дополнение:

[_{pp} DP_[case:VAL] Ø_p]; получает ингерентный падеж от Ø_p, семантическую роль от V/AppI

е. OBL адьюнкт:

[_{pp} DP_[case:VAL] Ø_p]; получает ингерентный падеж и семантическую роль от Ø_p

Комбинация структурно-позиционных и категориальных характеристик аргументных именных групп показана в (4).

Мы видим, что специфика грамматических асимметрий дагестанских языков состоит в том, что структурный приоритет в ряде случаев приходит в конфликт с категориальной простотой аргумента. Так, в канонической переходной клаузе падежно-маркированная именная группа с-командует беспадежной, а в клаузе с неканоническим подлежащим – РР-аргумент с-командует ДР-аргументом. В системе такого рода для операций, чувствительных к разным характеристикам аргумента, мы ожидаем разнонаправленных грамматических асимметрий.

4. Case study: приименное кодирование аргументов номинализации

В качестве иллюстрации предлагаемой типологии рассмотрим ограничения на приименное кодирование аргументов при номинализации в ряде дагестанских языков. Я покажу, что конкретные стратегии представимы в общем случае в виде комбинаций абсолютных и иерархических ограничений, создаваемых, соответственно, структурной репрезентацией падежной формы и иерархией с-командования.

В цахурском языке регулярная номинализация образуется от любых глаголов. Приименное кодирование – атрибутивную форму – может получать любой аргумент номинализации, но при этом только один [Кибрик, 1999; Гращенков, Лютикова, 2008].

- (5) a. $z\dot{i}$ mat-ēxe wo-г jed-ē / jed-i-ni
я удивлен-1.LV COP-1 [мать-ERG / мать-OBL-AOBL
čož doXtur-u-k'le hag_o-ī-le.
брат.ABS врач-OBL-AFF показывать]-NML-SUP
- b. $z\dot{i}$ mat-ēxe wo-г jed-ē
я удивлен-1.LV COP-1 [мать-ERG
čož / čož-u-ni doXtur-u-k'le hag_o-ī-le.
брат.ABS / брат-OBL-AOBL врач-OBL-AFF показывать]-NML-SUP
- c. $z\dot{i}$ mat-ēxe wo-г jed-ē
я удивлен-1.LV COP-1 [мать-ERG
čož doXtur-u-k'le / doXtur-u-ni hag_o-ī-le.
брат.ABS врач-OBL-AFF/ врач-OBL-AOBL показывать]-NML-SUP
(a=b=c) 'Я удивлен, что мать показала брата врачу.'
- d. * $z\dot{i}$ mat-ēxe wo-г jed-i-ni
я удивлен-1.LV COP-1 [мать-OBL-AOBL
čož-u-ni doXtur-u-k'le hag_o-ī-le.
брат-OBL-AOBL врач-OBL-AFF показывать]-NML-SUP

В хваршинском языке наблюдаются ограничения на категорию аргумента, получающего генитивное кодирование: любые DP-аргументы (абсолютивное подлежащее и дополнение, эргативное и дативное подлежащее), но не PP-аргументы (посессивное подлежащее, дативное дополнение) могут быть перекодированы генитивом. Ограничений на число генитивных аргументов не фиксируется, эффекты интервенции не возникают [Лютикова, 2020].

(6) a. di-l goqqa obu-t'i / obu-t'e-s
 я.OBL-DAT нравиться.AOR отец-OBL.ERG / отец-OBL-GEN
 вāj / вāj-i-s b-u-nu.
 дом.ABS / дом-OBL-GEN III-делать-NML
 'Мне понравилось строительство дома отцом.'

b. di-l goqqa rasul-qo / *rasul-e-s
 я.OBL-DAT нравиться.AOR Расул-POSS / Расул-OBL-GEN
 вī / вī-s j-uč'e-l-nu.
 молоко.ABS / молоко-GEN V-лить-POT-NML
 'Мне понравилось, что Расул нечаянно разлил молоко.'

Наконец, в багвалинском языке также имеются ограничения на категорию аргумента: генитивное кодирование при номинализации могут получать только абсолютивные, эргативные и дативные именные группы [Кибрик, 2001]. Кроме того, действует иерархия с-командования: из пула потенциальных мишеней выбирается один структурно-приоритетный аргумент. Эргативное или дативное подлежащее имеет структурный приоритет над абсолютивным объектом, поэтому в переходной структуре абсолютив не может перекодироваться генитивом (7b). Генитивное кодирование доступно только для абсолютивов непереходных глаголов (7a).

Если подлежащее имеет неподходящую категорию (является PP), возникает дефектная интервенция. В (7c) аффективный экспериенцер не может быть перекодирован генитивом, и при этом создает помеху для кодирования генитивом абсолютивного дополнения. В результате ни один из аргументов аффективных экспериенциальных глаголов не может быть перекодирован генитивом.

(7) a. di-ha č'alšā mē / du-b uhi-ahi
 я.OBL-DAT надоесть ты.ABS / ты.OBL-GEN.N туда-сюда
 Xadiri-r.
 ходить-NML
 'Мне надоело, что ты ходишь туда-сюда.'

- (7) b. di-ha č'alŕã ima-šũ-r / ima-šũ-b
 я.OBL-DAT надоесть отец-OBL.M-ERG / отец-OBL.M-GEN.N
 keč' / *keč'-ĭi-ĭ b-ih-i-r.
 песня.ABS / песня-OBL-GEN N-братъ-NML
 'Мне надоело, что отец поет песню.'
- c. di-ha č'alŕã ima-šũ-ba / *ima-šũ-b
 я.OBL-DAT надоесть отец-OBL.M-AFF / отец-OBL.M-GEN.N
 keč' / *keč'-ĭi-ĭ b-ěča-r.
 песня.ABS / песня-OBL-GEN N-забывать-NML
 'Мне надоело, что отец забывает песню.'

Итак, обнаруживается, что одна и та же диагностика выявляет в качестве грамматически приоритетных разные виды именных групп в разных дагестанских языках. В хваршинском языке возникает асимметрия DP-аргументов и прочих именных групп клаузы. В багвалинском языке противопоставлены DP-подлежащие и все остальные именные группы. В цахурском языке данная диагностика не является диагностикой грамматического приоритета. Эти результаты суммируются в табл. 1.

Легко видеть, что разнообразие стратегий кодирования аргументов при номинализации может быть объяснено комбинацией нескольких параметров:

- наличие ограничений на количество возможных мишеней именованного кодирования, что, в свою очередь, связано с такой характеристикой зонда, как наличие множественных спецификаторов (есть в багвалинском и цахурском, нет в хваршинском);
- наличие категориальных ограничений на мишень со стороны зонда (есть в хваршинском и багвалинском, нет в цахурском);
- выбор мишени в соответствии со структурным приоритетом, т.е. относительная минимальность во взаимодействии зонда и цели (есть в багвалинском, нет в хваршинском и цахурском).

Таким образом, специфика механизмов, ответственных за определенную грамматическую операцию в конкретном языке, в совокупности с категориальными и структурными характеристиками аргументных именных групп позволяет предсказывать разнообразные грамматические асимметрии, в том числе и разнонаправленные. Дальнейшая работа в этом направлении видится мне как создание таксономии абсолютных и иерархических требований в разных типах грамматических операций в дагестанских языках, что позволит получить кластеризацию различных грамматических феноменов в отношении параметров, регулирующих их применимость, и, в конечном итоге, пролить свет на стоящие за ними синтаксические процессы.

Грамматические асимметрии приименного кодирования в номинализации
[Grammatical asymmetries of adnominal encoding in nominalizations]

Язык [Language]	Структурные характеристики падежной формы [Structural characteristics of the case form]	Иерархия с-командования [C-command hierarchy]	Количество аргументов, получающих приименное кодирование [Number of arguments with adnominal encoding]	Ограничения на возможность приименного кодирования при номинализации [Restrictions on adnominal encoding in nominalizations]
Цахурский [Tsakhur]	Нет ограничений [No restrictions]	Нет ограничений [No restrictions]	1	Отсутствуют (любая аргументная именная группа), нейтральная стратегия [No (whatever argument), neutral strategy]
Хваршинский [Khwarshi]	DP (беспadeжная или с управляемым падежом) [DP (caseless or with structural case)]	Нет ограничений [No restrictions]	Любое [Any]	DP (любая именная группа из числа DP-аргументов), нейтральная стратегия [DP (whatever DP-argument), neutral strategy]
Багвалинский [Bagwalal]	DP (беспadeжная или с управляемым падежом) [DP (caseless or with structural case)]	Структурно приоритетная [Structurally superior]	1	Структурно приоритетная DP (именная группа из числа DP-аргументов), аккузативная стратегия [DP (structurally superior DP-argument), accusative strategy]

Библиографический список / References

Гращенко, Лютикова, 2008 – Гращенко П.В., Лютикова Е.А. Номинализация и семантико-синтаксический интерфейс // Исследования по глагольной деривации / Под ред. В.А. Плуңгяна, С.Г. Татевосова. М., 2008. С. 171–230. [Grashchenkov P.V., Lyutikova E.A. Nominalization and syntax-semantics interface. *Issledovaniya po glagolnoi derivatsii*. V.A. Plungian, S.G. Tatevosov (eds.). M., 2008. Pp. 171–230. (In Rus.)]

Кибрик, 1979а – Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 0. Теоретическое введение. 1. Арчинский язык // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 126. М., 1979. [Kibrik A. E. Materials for typology of ergativity. 0. Theoretical introduction. 1. Archi. *Predvaritelnye publikatsii IRYa AN SSSR*. Issue 126. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1979b – Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 2. Лакский язык. 3. Чирарский язык // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 127. М., 1979. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 2. Lak. 3. Chirag. *Predvaritelnye publikatsii IRYa AN SSSR*. Issue 127. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1979с – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 4. Табасаранский язык. 5. Агульский язык. // Предварительные публикации ИРЯ АН СССР. Вып. 128. М., 1979. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 2. Tabasaran. 3. Agul. *Predvaritelnye publikatsii IRYa AN SSSR*. Issue 128. Moscow, 1979. (In Rus.)]

Кибрик, 1979d – Кибрик А.Е. Подлежащее и проблема универсальной модели языка // Известия ОЛЯ АН СССР. № 4. 1979. С. 309–317. [Kibrik A.E. Subject and the problem of the universal language model. *Izvestiya AN SSSR, Otdelenie literatury i yazyka*. № 4. 1979. Pp. 309–317. (In Rus.)]

Кибрик, 1980а – Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 6. Цахурский язык. 7. Рутульский язык. 8. Лезгинский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 129. М., 1980. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 6. Tsakhur. 7. Rutul. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 129. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1980b – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 9. Чамалинский язык. 10. Тиндинский язык. 11. Ахвахский язык. 12. Хваршинский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 130. М., 1980. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 9. Chamalal. 10. Tindi. 11. Akhvakh. 12. Khwarshi. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 130. Moscow, 1980. (In Rus.)]

Кибрик, 1981а – Кибрик А.Е. Материалы к типологии эргативности. 13. Бейтинский язык. 14. Гунзибский язык. 15. Цезский язык. 16. Гинухский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 140. М., 1981. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 13. Bezhta. 14. Hunzib. 15. Tsez. 16. Hinuq. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya grupa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 140. Moscow, 1981. (In Rus.)]

Кибрик, 1981b – Кибрик А. Е. Материалы к типологии эргативности. 17. Хиналугский язык. 18. Будухский язык. 19. Крызский язык. 20. Аварский язык // Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 141. М., 1981. [Kibrik A.E. Materials for typology of ergativity. 17. Khinalug. 18. Budukh. 19. Kryz. 20. Avar. *Institut russkogo yazyka AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimentalnoi i prikladnoi lingvistike. Predvaritelnye publikatsii*. Issue 141. Moscow, 1981. (In Rus.)]

Кибрик, 1982 – Табасаранские этюды / С.В. Кодзасов, И.А. Муравьева, А.Е. Кибрик и др.; Под общ. ред. В.А. Звегинцева. М., 1982. [Kodzasov S.V., Muraveva I.A., Kibrik A.E. et al. *Tabasaranskije etyudy [Tabasaran studies]*. V.A. Zvegintsev (ed.). Moscow, 1982.]

Кибрик, 1983 – Кибрик А.Е. Конструкции с предикатным актантом в дагестанских (эргативных) языках // Категории глагола и структура предложения / Отв. ред. В.С. Храковский. Л., 1983. С. 101–117. [Kibrik A.E. Complementation constructions in Daghestanian (ergative) languages. *Kategorii glagola i struktura predlozheniya*. Khrakovskii V.S. (ed.). Leningrad, 1983. Pp. 101–117. (In Rus.)]

Кибрик, 1992 – Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М., 1992. [Kibrik A.E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija (universalnoe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke) [Essays on general and applied issues in linguistics (universal, typical and specific properties of languages)]*. Moscow, 1992.]

Кибрик, 1999 – Элементы цахурского языка в типологическом освещении / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 1999. [Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii [Elements of Tsakhur grammar in typological perspective]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 1999.]

Кибрик, 2000 – Кибрик А.Е. К вопросу о ядерных акантах и «неканоническом маркировании»: свидетельства арчинского языка // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 36–72. [Kibrik A.E. On core arguments and non-canonical marking: Evidence from Archi. *Voprosy yazykoznanija*. 2000. No. 5. Pp. 36–72. (In Rus.)]

Кибрик, 2001 – Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари / Под ред. А.Е. Кибрика. М., 2001. [Bagvalinskii yazyk. Grammatika, teksty, slovarei [Bagwalal: Grammar, texts, dictionaries]. A.E. Kibrik (ed.). Moscow, 2001.]

Кибрик, 2003 – Кибрик А.Е. Константы и переменные языка. СПб., 2003. [Kibrik A.E. *Konstanty i peremennye yazyka [Constants and variables of language]*. St. Petersburg, 2003.]

Кибрик, 2007 – Кибрик А.Е. Принципы и стратегии клаузного сочинения в дагестанских языках // Вопросы языкознания. 2007. № 3. С. 78–120. [Kibrik A.E. Principles and strategies of clause chaining in Daghestanian languages. *Voprosy yazykoznanija*. 2007. No. 3. Pp. 78–120. (In Rus.)]

Кибрик и др., 1977 – Опыт структурного описания арчинского языка / Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П., Самедов Д.С. Т. 1–4. М., 1977. [Kibrik A.E., Kodzasov S.V., Olovyannikova I.P., Samedov D.S. *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka [Structural description of Archi]*. Vol. 1–4. M., 1977.]

Лютикова, 2017 – Лютикова Е.А. Падежная морфология, синтаксические категории и проблема классификации падежей // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Т. 13. С. 652–679. [Lyutikova E.A. Case morphology, syntactic categories and the problem of case taxonomy. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. 13. Pp. 652–679. (In Rus.)]

Лютикова, 2020 – Лютикова Е.А. Еще раз о падежной морфологии дагестанских языков: свидетельства хваршинского атрибутива // Малые языки в большой лингвистике / Под ред. Кс.П. Семёновой. М., 2020. С. 112–121. [Lyutikova E.A. On the case morphology in Daghestanian languages: Evidence of Khwarshi attributive. *Malye yazyki v bolshoi lingvistike*. Ks.P. Semyonova (ed.). Moscow, 2020. Pp. 112–121. (In Rus.)]

Сумбатова, 2020 – Сумбатова Н.Р. Сложные рефлексивные местоимения в даргинском языке. Доклад на конференции Звезгинцевские чтения – 2020: К 60-летию отделения и кафедры теоретической и прикладной лингвистики и 110-летию со дня рождения В.А. Звезгинцева (Москва, 30–31 октября 2020 г.). [Sumbatova N.R. Slozhnye refleksivnye mestoimeniya v darginskom yazyke [Complex reflexive pronouns in Dargwa]. Zvezintsevskie chteniya – 2020: k 60-letiyu otdeleniya i kafedry teoreticheskoi i prikladnoi lingvistiki i 110-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Zvezintseva (Moscow, 30–31.10. 2020).]

Тестелец, 2001 – Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001. [Testeleets Ya.G. Vvedenie v obshchii sintaksis [Introduction to general syntax]. Moscow, 2001.]

Тестелец, 2003 – Тестелец Я.Г. Грамматические иерархии и типология предложения: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. [Testeleets Ya.G. Grammaticheskie ierarkhii i tipologiya predlozheniya. [Grammatical hierarchies and sentence typology]. Dr. diss. Moscow, 2003.]

Тестелец, 2016 – Тестелец Я.Г. Падеж и структура предложения в аварском языке. Доклад на открытом заседании Отдела кавказских языков Института языкознания РАН. Москва, 19.05.2016. [Testeleets Ya.G. Padezh i struktura predlozheniya v avarskom yazyke [Case and clause structure in Avar]. Otkrytoe zasedanie Otdela kavkazskikh yazykov Instituta yazykoznaniya RAN. Moscow, 19.05.2016.]

Aldridge, 2004 – Aldridge E. Ergativity and word order in Austronesian languages. PhD Diss. Cornell University. 2004.

Aldridge, 2008 – Aldridge E. Generative approaches to ergativity. *Language and Linguistics Compass*. 2008. Vol. 5. Pp. 966–995.

Baker, 2015 – Baker M. Case. Its principles and its parameters. Cambridge, 2015.

Baker, Bobaljik, 2019 – Baker M., Bobaljik J. On inherent and dependent theories of ergative case. *The Oxford handbook of ergativity*. J. Coon, D. Massam, L. Travis (eds.). Oxford, 2019.

Bittner, Hale, 1996 – Bittner M., Hale K. The structural determination of case and agreement. *Linguistic Inquiry*. 1996. Vol. 27. Pp. 1–68.

Bobaljik, 2008 – Bobaljik J. Where's phi? Agreement as a post-syntactic operation. *Phi-Theory: Phi features across interfaces and modules*. D. Harbour, D. Adger, S. Béjar (eds.). Oxford, 2008. Pp. 295–328.

Butt, 2006 – Butt M. Theories of case. (Cambridge Textbooks in Linguistics). Cambridge, 2006.

Dixon, 1979 – Dixon R.M.W. Ergativity. *Language*. 1979. Vol. 55. Pp. 59–138.

Dixon, 1994 – Dixon R.M.W. Ergativity. Cambridge, 1994.

Forker, 2019 – Forker D. Ergativity in Nakh-Daghestanian languages. *The Oxford handbook of ergativity*. J. Coon, D. Massam, L. Travis (eds.). Oxford, 2019.

Kibrik, 1979 – Kibrik A. Canonical ergativity and Daghestan languages. *Ergativity*. F. Plank (ed.). N.Y., 1979. Pp. 61–77.

Kibrik, 1987 – Kibrik A. Constructions with clause actants in Daghestanian languages. *Lingua*. 1987. Vol. 71. Pp. 133–178.

Kibrik, 1991 – Kibrik A. Organizing principles for nominal paradigms in Daghestanian languages: Comparative and typological observations. *Paradigms. The economy of inflection*. F. Plank (ed.). Berlin; N.Y., 1991. Pp. 255–274.

Kibrik, 1996 – Godoberi (= Lincom Studies in Caucasian Linguistics 02). A. Kibrik (ed.). Munchen; Newcastle, 1996.

Kibrik, 1997 – Kibrik A. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relational typology. *Linguistic Typology*. 1997. Vol. 1. No. 3. Pp. 1–68.

Legate, 2002 – Legate J. Warlpiri: Theoretical implications. Dr. Diss. MIT. 2002.

Legate, 2008 – Legate J. Morphological and abstract case. *Linguistic Inquiry*. 2008. Vol. 39. No. 1. Pp. 55–101.

Lyutikova, 2015 – Lyutikova E. Tsakhur as a case stacking language. *Donum semanticum: Opera linguistica et logica in honorem Barbarae Partee a discipulis amicisque Rossicis oblata*. P. Arkadiev et al. (eds.). Moscow, 2015. Pp. 192–214.

Manning, 1996 – Manning Ch. Ergativity: Argument structure and grammatical relations. Stanford, CA, 1996.

Markman, Grashchenkov, 2012 – Markman V., Grashchenkov P. On the adpositional nature of ergative subjects. *Lingua*. 2012. Vol. 122. No. 3. Pp. 257–266.

Polinsky, 2015 – Polinsky M. *Tsez syntax: A description*. Ms. 2015.

Polinsky, 2016a – Polinsky M. Agreement in Archi from a minimalist perspective. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. O. Bond, G. Corbett, M. Chumakina, D. Brown (eds.). Oxford, 2016. Pp. 77–117.

Polinsky, 2016b – Polinsky M. Deconstructing ergativity: Two types of ergative languages and their features. Oxford, 2016.

Статья поступила в редакцию 26.03.2021

The article was received on 26.03.2021

Об авторе / About the author

Лютикова Екатерина Анатольевна – доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Ekaterina A. Lyutikova – Dr. Phil. Hab.; professor at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4439-0613>

E-mail: lyutikova2008@gmail.com